

Творческий факел Лавровского

ГИРЕЙ КАКИМ-ТО ЧУДОМ ОСТАЛСЯ ЖИВ...

Исполнилось тридцать пять лет творческой деятельности замечательного танцовщика, балетмейстера, педагога Михаила Лавровского. Лавровский поражал безудержностью своего темперамента, его танец и мимика пылали огнем. Это был темперамент подлинный, природный, актеру не надо было его форсировать, раздувать, не приходилось себя взвинчивать, в пору было только сладить с этим естественно возникавшим могучим бушеванием страсти.

Мать Лавровского, замечательная балетная актриса и педагог Елена Георгиевна Чикваидзе, во время его дебюта в партии Вацлава («Бахчисарайский фонтан»), опасаясь воинственного пыла сына, шутиливо напутствовала его перед уходом: «Смотри, не убей Гирея»... Ее опасения были небезосновательны, ибо в лирической партии Вацлава юный Лавровский передавал бешеную гордыню шляхтича, польскую гневную надменность и бросался в бой с отвагой прирожденного победителя. Гирей каким-то чудом остался жив...

В этом и во многих других случаях раннее осознание художественной дисциплины, строго внушенное матерью и отцом, выдающимся хореографом Л. М. Лавровским, смирало горячее своеобразие танцовщика. Темперамент Михаила Лавровского часто называли безудержным, но это неверно. Формы классического танца его строго обуздывали, а неукротимые, казалось бы, души его героев всегда подчинялись законам долга и чести. Лавровский был романтическим танцовщиком, и почти всегда сознание трагического несоответствия романтического идеала и несовершенства жизни придавало его порывам оттенок горечи, какой-то байроновской, а вернее, лермонтовской мрачности.

Легендарный Спартак, трагичный Альберт, Ромео, Ферхад, принцы в балетах Чайковского, Филипп Меджун, античный атлет Ипполит в телебалете «Федра» — вся эта вереница ярчайших ролей вызывает в воображении образ гигантских пылающих костров, факелов, отбрасывающих мириады огненных искр. Лавровский был великолепным представителем героико-романтического амплуа в балете.

Двадцать девятого октября Большой театр отметил юбилей М. Лавровского специальной афишей и программой. В этот вечер танцевали поставленный им балет на музыку Моцарта «Фантазия на тему Казановы».

Лавровский создал изящный и театральный балет в духе опять-таки романтической иронии. В карнавале смешных и жутковатых дразнящих масок, в карусели обманов, обольщений, ложных надежд, эфемерных упоений легендарный соблазнитель и авантюрист оказывается жертвой измен и разочарований. Лавровский романтик, и он не прощает своему Казанове отсутствия рыцарского начала, которое с такой силой воплощал на сцене сам.

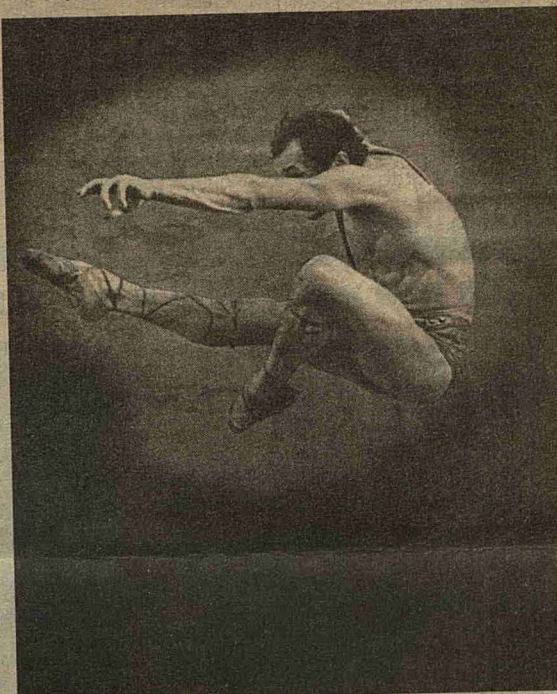
В своих мемуарах Казанова признается, что «...не совестился одурачить простофилю, мошенника и глупца... Что касается женщин, то тут обманывают друг друга взаимно, — и это не идет в счет, — ибо раз замешалась любовь, то, как общее правило, обе стороны бывают равно одурачены».

На сцене в мерцании балльных свечей возникает призрачный мир, где все обманывают друг друга, увлекая и отталкивая, маня и ускользя. Дама сердца оборачивается куклой, ослепительная Царица бала насмешничает и хитрит, всюду снует, летает, скользит, прыгает злой гений Казановы, дьяволенок, сатаненок в костюме Арлекина, толкающий героя к новым миражам приключений, к новым любовным и дуэльным поединкам.

Александр Ветров замечательно танцует Казанову, искусно соединяя отважную уверенность, виртуозный

блеск и силу танца с ощущением философской меланхолии, горькой скептической иронии. Людмила Семеняка в партии Дамы сердца передает изысканное жеманство, пленительную манерность восемнадцатого века. Илзе Лиена — Царица бала поражает противоречием гордой красоты и женской хитрости, аристократической надменности и таинственного лукавства. Юрий Юдин в роли Арлекина вызывает аплодисменты стремительностью замысловатых прыжков и вращений. Так Лавровский создает новые партии для балерин и танцовщиков, продолжая и множа жизнь своего творческого воображения, своей артистической фантазии.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН

Веч. Москва. - 1996. - 5 нояб. - с. 7.